

УДК 316.42

А.П. Никитин

ЗНАЧЕНИЕ ДЕНЕГ В ПРОЦЕССАХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ФРАГМЕНТАЦИИ

В статье рассматривается влияние изменений денежных форм на соотношение глобализационных и фрагментационных тенденций в развитии мирового сообщества. Раскрыто значение денег на разных этапах социокультурной модернизации: в традиционном, индустриальном и постиндустриальном обществе. Показано, что роль денег в процессах глобализации и фрагментации зависит от условий функционирования денежного обмена на этих этапах.

Ключевые слова: деньги, глобализация, фрагментация, традиционное общество, индустриальное общество, постиндустриальное общество.

Процессы глобализации и фрагментации на протяжении всей истории человечества являются главными тенденциями развития международного сообщества. Будучи противоположными по своему действию и влиянию на характер глобальной культуры, эти две тенденции отражают общую закономерность социокультурной макродинамики – рост взаимозависимости. Довольно подробно состояние глобализационных и фрагментационных процессов проанализировано в работе представителей школы глобализма и транснационализма в социологии международных отношений Б. Бади и М.-К. Смутса «Мировой кризис. Социология международного сообщества» [1]. Авторы, в частности, указывают на противоречивость в изменениях современной жизни. С одной стороны, происходит интернационализация, транснационализация и универсализация экономической, социальной, политической, культурной и всей общественной сферы, а с другой – создаются и укрепляются суверенные государства, развиваются национальные общности и национальные движения, увеличивается стремление к экономической автономии, дифференцируются социокультурные практики, актуализируется значение этноконфессиональных традиций. Приходится констатировать, что глобализация и фрагментация выступают двумя аспектами единого состояния человечества, которое Б. Бади и М.-К. Смутс определяют как самоуправление (имеется в виду отсутствие чёткого правительственного контроля и размывание идентичностей в транснациональных социокультурных сетях).

Особую роль в указанных процессах играет денежный обмен. Эта роль неоднозначна, так как влияние денег на соотношение глобализации и фрагментации в мировом развитии претерпевало значительные трансформации в связи с изменениями форм, способов и масштабов применения денежного обращения. Пользуясь терминологией модернизационной парадигмы в социальных науках, в традиционном, индустриальном и постиндустриальном обществах фактор денег действовал всегда по-разному, усиливая то одну, то другую тенденцию.

В традиционном обществе практика использования денег полна конкретного значения и неотделима от социокультурных контекстов. Деньги вос-

принимались не как эквивалент всех товаров, а как сам товар, имеющий качественную характеристику. К примеру, когда в России в 1662 г. вспыхнул Медный бунт, поводом для него послужило неприятие населением введения медных монет как равных по цене серебряным. Ликвидность серебра обеспечивалась его редкостью, и, собственно говоря, серебряная деньга символизировала не количество, которое можно потратить на качество, а была значима сама по себе как носитель редкого металла. Смысл денег наполнялся конкретным содержанием в зависимости от природных, хозяйственных, политических и других факторов, т.е. денежный обмен всегда был ограничен условиями существования культуры. Вспомним другой пример из истории России. Когда царская власть принялась за освоение Сибири, самой эффективной формой налогообложения местных народов стал ясак в виде пушнины, скота и пр. Характерно при этом, что ясак назначался для каждого племени или рода в отдельности, в зависимости от того, сколько людей было в племени (роду) и какой был их главный промысел. Более того, когда в 1727 г. вышел указ о замене ясака рублями, его быстро отменили (в 1739 г.), признав такое налогообложение убыточным для казны. Валюта Российской империи оказалась неспособной выполнять фискальные задачи такого рода, поскольку не соответствовала конкретным условиям финансовых взаимоотношений.

Функционирование денег в традиционном обществе можно назвать качественно определяющим, такое их действие неизбежно вело к дифференциации социокультурных практик и усилению фрагментации. К. Поланьи подчеркивает, что если уподобить деньги языку, то деньги в абрисе традиционной культуры не знают единой грамматики и вообще универсальных правил: «Ни в одном языке не известна подобная фрагментация использования звуков. В речи артикуляции подвергаются все произносимые звуки. При написании все буквы алфавита годятся для всех типов слов, в то время как в качестве архаичных денег, в чрезвычайных ситуациях, используют один предмет как средство платежа, другой – как меру стоимости, третий – как средство накопления богатства, четвертый – как средство обмена; в языке, где глаголы состояли бы из одной группы букв, существительные – из другой, прилагательные – из третьей, а наречия – из четвертой» [2. С. 423].

В индустриальном обществе, в условиях рыночной экономики, деньги превращаются в унифицированный предмет обмена – всеобщий эквивалент. Понятно, что в мировом масштабе обращение денег продолжает встречать ограничения в виде существования национальных валют и препятствий, связанных с экономической политикой государств. Однако в глобальном масштабе само качество денег приобретает уникальное свойство – свойство количественного определителя. Сущность денег отрывается от их материального носителя: золотые это монеты, серебряные, медные, просто бумажные банкноты, – главное не материальный предмет, а количественный знак, изображённый на нём. М. Вебер обрисовывал этот процесс как удвоение мира, в котором у всех вещей появляется абстрагированный от их сущности заместитель – денежный эквивалент [3]. По сути, квантитативный «второй мир» становится фундаментом глобализации как процесса унификации, поскольку все качества вещей, а также социокультурные специфики в определении их значимости нивелируются, заменяясь существованием цен на вещи. Глобальный «мыслительный горизонт» формируется в трансцен-

дентной точке как математическая матрица, всё исчисляющая и на том основании сравнивающая.

Математическая универсализация становится определяющим фактором общественного развития, фундаментируя глобализационные процессы, стирая различия между специфическими культурными практиками. При этом содержательная трансформация денег отражается и в изменении их внешнего существования. В обществе аграрного типа вопроса о внедрении единой денежной формы не стояло: в ход шло все, что представляло интерес для субъектов транзакции. Получив дополнительную ценностную нагрузку в виде самих себя, деньги стали восприниматься в контексте существования других денег, что привело к становлению всё более и более расширяющейся унифицированной системы денежных знаков, до появления мировых валют и виртуальных денег. Последние стали апофеозом «умирания качественного бытия» денег. Когда дело касалось монет и бумажных купюр, люди ещё могли ощутить деньги как некую материю, зачастую оставлявшую в себе дополнительную смысловую нагрузку, кроме своего количества. Речь идёт, к примеру, об общей социальной памяти, образами которой пользуется государство при изготовлении денежных единиц (изображения президентов, городов, юбилейные монеты и т.д.). С повсеместным внедрением виртуальных денег гибнет и этот оплот самоидентификации, в этом состоянии деньги абсолютизируют своё количественное значение, усиливая тем самым базу для дальнейшей нивелировки культурных смыслов.

Увеличивающийся рост потоков виртуальных денег в постиндустриальном обществе имеет и диаметрально противоположные последствия, парадоксальным образом усиливая не только глобализационные процессы, но и процессы фрагментации. Происходит это ввиду того, что абстрагированный денежный «второй мир» приобретает самостоятельное существование по отношению к реальному бытию. Дело в том, что когда мы определяем ценность вещи количественным показателем (ценой), то в этом квантитативном акте всё-таки есть какое-то содержание, есть некая субстанциональность, выраженная в числе и нами чётко осознаваемая. Виртуальные деньги же не обозначают ничего, кроме самих себя. Источником такой замкнутости можно считать отказ от репрезентативности валюты золотым стандартом. Свободное печатание банкнот, финансовые манипуляции, биржевые игры, функционирование международных кредитных карт – всё это отражает характерную для современного денежного обмена симуляцию своего значения. Самовоспроизводство денег никак не связано с действительными нуждами хозяйства, оно имеет единственную цель – продолжение финансовой игры без правил до бесконечности.

Специфика современной социокультурной ситуации заключается в том, что и реальный мир превращается в игру, освобождённую от каких-то нормативов. Причастность к глобальной экономике виртуальных денег откладывает специфический отпечаток на все культурные и социальные отношения. Происходит утрата определённости и нормативности, по выражению З. Баумана, современность становится «текучей», в ней отсутствуют признаки каузальности и универсальной перспективы [4].

Для иллюстрации этих трансформаций З. Бауман описывает, в частности, то, как было организовано производство Г. Фордом и Б. Гейтсом. Индустри-

альная парадигма, в рамках которой работал Г. Форд, включала принцип рационализации, а также постоянную механизацию. Рационализация была основана на разделении интеллектуальных и физических аспектов труда и систематизации социального знания в процессе проектирования. Когда Г. Форд решил удвоить зарплату своим рабочим, то объявил, что это сделано для того, чтобы они смогли купить машины, которые сами производят. Истинное же основание повышения доходов заключалось в большой текучести рабочей силы, с которой столкнулся бизнесмен. По сути, он решил значительно улучшить их материальное положение, чтобы приковать к рабочему месту. Фордизм стал отражением индустриальной эпохи, её самосознанием: «...фордистская модель являлась эпистемологическим фундаментом, на котором было воздвигнуто все представление о мире. Способ понимания людьми мира всегда имел тенденцию быть праксеоморфным: он всегда формировался под влиянием ноу-хау текущего дня, того, посредством чего люди могут действовать, и того, как они обычно действуют. Фордистский завод с его тщательным разделением между проектированием и исполнением, инициативой и следованием указаниям, свободой и подчинением, новизной и детерминацией, с его тесным взаимодействием противоположностей и плавным переходом команды от первого элемента каждой пары ко второму, несомненно, был величайшим достижением ориентированной на порядок социальной инженерии. Не удивительно, что он задал метафорическую систему отсчета (даже если на нее не ссылались) для всех пытающихся понять, как проявляется человеческая реальность на всех ее уровнях – общесоциальном и индивидуальном» [4. С. 64–65].

Совсем по-другому организовано современное производство. Тот, кто начинает карьеру в «Майкрософт», не имеет представления, где она закончится, сколько бы ему не платили на его рабочем месте. Сам Б. Гейтс неоднократно объявлял, что он предпочитает «находиться в системе возможностей вместо того, чтобы парализовать себя на одной конкретной работе» [4. С. 135]. Процветание Б. Гейтса оказалось процветанием игрока в игре без правил. Он всегда подчеркивал в себе готовность уничтожить всё, что сделано, если этого требует данный момент. Его успех был основан не на непрерывном однолинейном профессиональном росте, а на постоянно расширяющемся диапазоне доступных возможностей, альтернатив, предоставляемых ничем не детерминируемой бизнес-игрой.

Таким образом, современные деньги-симулякры способствуют не только универсализации социокультурных практик и, как следствие, глобализации, но и усиливают фрагментационные тенденции. В условиях «текучей современности» и «играизации» хозяйственной деятельности усиливается дезинтеграция социальных групп и структур, а также личностных идентичностей. В постиндустриальном обществе, как подчеркивает З. Бауман, начинают доминировать краткосрочные социальные взаимодействия, в которых никто надолго не задерживается и никто никому ничем не обязан, здесь способность меняться, менять окружающее и уходить от прошлого становится залогом успеха.

Подытоживая всё вышесказанное, можно констатировать, что значение денег в процессах глобализации и фрагментации зависело и зависит от условий функционирования денежного обмена. В традиционном обществе деньги

служили идентифицирующим средством обмена, сами были наполнены конкретным содержанием, отражающим специфику социокультурной ситуации, в которой происходила трансакция. Тем самым денежный обмен только усиливал процесс фрагментации. В индустриальном обществе все свойства денег свелись к одному показателю – их количеству. Квантификация социокультурного значения денег, в свою очередь, способствовала тому, что в рамках межкультурного взаимодействия возникла общая логика объяснения существующего – исчислимость. Возник универсальный коммуникативный код, ставший фундаментом глобализационных процессов. В постиндустриальном обществе деньги окончательно отрываются от функции обозначения. Существование денег становится замкнутым на самом себе, что приводит к «играизации» экономики и отражается на характере социокультурных отношений внутри международного сообщества. Итогом этого становится «размытость» в определении границ глобализации и фрагментации, отсутствие долгосрочных тенденций, на место которых приходят дифференциация, дезинтеграция и постоянное изменение (текучесть) личностных идентичностей.

Литература

1. *Badie B.* Le retournement du monde. Sociologie de la scene internationale / B. Badie, M.-C. Smouts. Paris: Presses de la FNSP, 1992. 248 p.
2. *Поланьи К.* Семантика использования денег // Историко-экономический альманах. Вып. 1. М.: Академический проект, 2004. С. 415–448.
3. *Вебер М.* История хозяйства. Биржа и ее значение. М.: Гиперборея: Кучково поле, 2007. 432 с.
4. *Бауман З.* Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.